

Римма Алдолина:

**«Пишу стихи
от имени
мальчишки»**

— **Римма Петровна, судя по рассказам ваших коллег, у вас всегда был боевой характер.**

— И был, и есть... Время формировало характер. К примеру, мне всегда хотелось изменить положение, при котором те, кто, скажем, делает типовые проекты, оторваны от тех, кто делает застройки. Эти вещи должны быть увязаны. Я настаивала на том, чтобы каждая серия домов могла иметь разную этажность... Сейчас всё это приветствуется. Жизнь внесла коррективы. А нам за всё приходилось бороться.

— **Удача вам сопутствовала?**

— По-разному бывало. Очень драматичным был для меня период, когда нашу мастерскую решили перевести в другое управление. От депрессии, вызванной несправедливостью, обманом, ложью, меня спасли стихи. Я приходила с работы домой, начинала придумывать песенки, а потом ещё и петь их на свой мотив. У меня сразу же улучшалось настроение. Постепенно стихи стали накапливаться, и я начала думать, где бы их напечатать.

— **Это оказалось сложным?**

— Очень. Надо было войти совсем в другую среду. Первым напечатал мои стихи журнал «Колобок». Потом — «Костер»... Уже лет восемь публикуюсь в журнале «Миша». Один маститый писатель как-то сказал мне, что нужно иметь миллионы, чтобы издать свою книгу. Меня это так испугало, что я не стала обращаться в издательства.

— **Но сейчас лёд уже тронулся?**

— Да, уже два года я поддерживаю связь с несколькими издательствами. Вышла в свет моя первая книжка «О звёздах и планетах». Это не большой, очень достоверный курс

астрономии для детей в занимательной форме. Сейчас работаю над книгой «Святыни России» для детей о монастырях и храмах России. Я уже обложила книгами, сижу за компьютером и объединяю свою прошлую профессию с нынешней.

— **Скажите, чтобы написать детские стихи, надо общаться с детьми, наблюдать за ними?**

— Нет, у меня другой источник — внутри меня сохранилось детство. Я многие вещи взяла из своих школьных воспоминаний. Мне кажется, совсем не трудно встать на позицию ребёнка. А психологию его я понимаю изнутри, потому что, видимо, «сама недалеко от него ушла». Когда-то Ленин сказал о Льве Толстом: «До этого графа у нас в литературе не было мужика...» Вот и я сочинила про себя фразу: «До меня в нашей детской литературе не было мальчишки». Я пишу много стихов от его имени.

— **Внук гордится, что его бабушка поэтесса?**

— Не знаю... Он симпатичный мальчик, очень подвижный, эмоциональный. Ему только десять лет, но он уже в шестом классе. Любит компьютер, машины. Я рано дала ему в руки треугольник, и теперь он чертит. Сначала машину изобразит, а уж потом что-то к ней пририсовывает...

— **Римма Петровна, архитектор должен быть в душе лириком, романтиком?**

— Конечно, он не может быть сухарём. Архитектурное мышление — это фантазия, способность придумать что-то новое, а не просто копировать, исполнять чью-то волю... Поэтому самые талантливые архитекторы, как правило, фантазёры...

— Что вы проектировали?

— Я работала в институте, который занимался застройкой больших районов. Большую часть времени мы тратили на привязки типовых зданий, на то, чтобы посадить их на место, увязать с окружающими... Показать здесь своё лицо было практически невозможно. Индивидуальные же объекты, которые мы делали, часто ложились на полку, потому что на их строительство не давали денег. Такая участь постигла два моих проекта дворцов культуры со спортивными комплексами.

Слава Богу, что удалось построить кинотеатр «Эльбрус». Очень интересно было работать над реконструкцией Дворца культуры «ЗИЛ». Мы старались, чтобы всё, что вносили нового, совпадало с общим стилем, общей тональностью. При застройке Нагатинской набережной удалось таки сломать стереотип. Но с каким трудом! Десять лет всё это пробивалось. На одном из зданий в Тушине мне надо было разрезать пополам лишь одну деталь... Но даже это было невозможно. Нам ни за что нельзя было использовать кирпич. «Хоть с собой в портфеле его принесите, я все равно вам не согласую», — вот такой ответ мы слышали. Сейчас система сломлена. Я с завистью смотрю на архитекторов. Какой у них выбор материалов!

— Римма Петровна, всё это время, занимаясь архитектурой, вы думали о сцене?

— А я все сорок лет не сходила с неё. Мне просто повезло, что я выступала в ансамблях «Кохинор» и «Рейсшинка». После работы, совершенно измотанные, мы приходили в Дом архитектора, начинали репетировать или готовиться к выходу на сцену — и

открывалось второе дыхание.

Тексты писали коллективно. Это было самое интересное. Вообще процесс создания программы — очень симпатичный момент.

— Вы москвичка?

— Коренная. Родилась на Большой Дмитровке, в самом центре. Москва для меня родной город. Когда уезжала в эвакуацию, очень тосковала. Из Африки, где проработала полтора года, тоже вернулась раньше времени: соскучилась по Москве. Мне повезло, что я могу каждый день из окна своей квартиры смотреть на свое произведение — Нагатинскую набережную. Нравится мне это мес-

то, хотя не все задуманное удалось сделать. Еще Ордынка нравится... Церковь всех скорбящих... Вообще старая Москва...

— А преобразования в ней вы как архитектор одобряете?

— Если что-то разваливалось, было дряхлым, а потом стало новым и чистым — это хорошо. Раньше нам не нравился стиль эклектики. А когда наконец увидели его в деталях, когда их восстановили, покрасили — это же прекрасные дома! Я одобряю новую архитектуру, но не во всех случаях. Нужно иметь вкус, чувство меры, мастерство... Есть примеры, когда нагородили такое, чтобы только себя показать. Но я сейчас мало езжу по городу, не берусь судить. У меня теперь другое увлечение.